

человека. На этом пути реальность спасения рассматривается трансцендентально, если она соотносена с трансцендентальным субъектом, как таковым, в его естественных условиях, и субъектом, конституированным, радикализированным благодатью. Для Ранера трансцендентальность человека не является чем-то самодостаточным, условием трансцендентальных возможностей является Бог. Тем самым проблематика трансцендентальной теологии по сути близка трансцендентальной философии, но при этом акцентируется неподвластность трансцендентальной сферы самому человеку, показывается, что «трансцендентальное исследование в условия возможности знания включает не только субъект как таковой, но и объект откровения и веры»¹. Существование Бога в концепции Ранера предстает как условие возможности познавательного отношения человека к миру и одновременно основание его бытия в целом. Исследуя человека как субъект опыта, он расширяет понятие трансцендентально-го субъекта, соотносят его с открывающимся Богом.

Несмотря на скромное слово «Введение», поставленное в главе работы, в монографии дана впечатляющая экспликация философской теологии Ранера, представляющая собой по сути первое в отечественной историко-философской литературе целостное исследование того «антропологического поворота», который он совершил в неосохоластике. Автор последовательно проясняет ключевые понятия религиозной антропологии Ранера — «пред-восхищение бытия», «сверхъестественный экзистенциал», «самосообщение Бога»; особенности сочетания экзистенциального и трансцендентального подходов в ранеровском понимании человека; вопрос о человеке в контексте христологии и тринитарного учения специфику эсхагологии и танатологии Ранера.

Важно отметить, что исследование И.С. Хромец имеет не только историко-философскую, но и собственно философскую значимость. В нем автор пытается дать ответ на специфически философские вопросы: «как соотносятся философия религии, философия и теология?» и «как возможна метафизика?». В ко-

¹ Ibid., s. 174.

нечном итоге, введение в антропологию Карла Ранера становится впечатляющей попыткой представить проект обновления метафизики, в котором отправной точкой становится вопрос о бытии, как вопрос, поставленный человеком.

С.А. Коначева

Рецензия на: Смирнов М.Ю. Религия и религиозоведение в России. СПб., 2013.

Книга профессора СПбГУ Михаила Юрьевича Смирнова является образцом достаточно нового жанра для отечественной литературы о религии. Это — религиозведческие размышления, этакие записные книжки, в которых можно найти и анализ существующих исследований и статистики, и выделение важнейших тенденций, и тезисы, обладающие высокой теоретической значимостью, и автобиографические и биографические материалы. Такая форма, с одной стороны, оставляет автору «пространство для маневра», предоставляя свободу в выборе тем и средств описания, но, с другой стороны, она приводит к особенностям, затрудняющим восприятие текста: его мозаичности и порой весьма туманной связи между частями книги.

В разделе От автора М.Ю. Смирнов обозначает этапы становления своих научных интересов, а также основные понятия и теории, лучшие в основу данной книги. Часть первая «Религия в России» посвящена судьбам и образам религии в России, как в историческом аспекте, так и на современном этапе. Здесь автор пишет о религиозно-мифологическом комплексе в российском сознании, свойственной ему фетишизации, дореволюционной системе государственно-конфессиональных отношений и вообще типичному для России сцеплению церкви с государством. Безусловно ценными для читателей окажутся свободные данные по конфессиональной политике в Российской империи.

Следующий раздел о современной России представляется особенно интересным, поскольку в нем фиксируется масса стереотипов и черт современной духовной жизни, таких как сочетание светскости государства с наличием негласной государственной религии, а плюрализма — с религиозным фундаментализмом. Эта противоречивость характерна и для отношения к новым религиозным движениям, которые анализируются в другой главе первой части.

Вторая часть посвящена уже не религии, но религиозведению в России и включает в качестве глав тексты, уже хорошо знакомые читателю по научной периодике. Они освещают различные темы, например, самоидентификация российских религиоведов и развитие отечественной социологии религии. Здесь М.Ю. Смирнов дает свою оценку истории отечественного религиоведения, в частности, пишет, что советское «религиоведение» религиоведением не являлось, поскольку религия не являлась его предметом (с. 158–159). Вместе с тем, автор показывает, что изучение религии в России никогда не было свободно от идеологии, как иллюстрируя это конкретными примерами (в основном из богатой истории ленинградских исследователей религии), так и подкрепляя общетеоретическими рассуждениями. В третьей части «Personalia» автор приводит исторические материалы — глава «Религия и Библия в работах В.И. Ульянова-Ленина» посвящена чертам, характеризующим отношение советского лидера к самым разным сторонам религиозной культуры, от использования им религиозной лексики до наличия в его личной библиотеке религиозной литературы.

Другие материалы этой части относятся к нашим современникам, петербургским исследователям религии Н.С. Гордиенко и Р.П. Шпаковой. Такие материалы представляют интерес в свете развития исследований в области метарелигиоведения, в частности, истории институционализации религиоведения и социологии религиоведения в самом широком смысле¹.

¹См.: Антонов К.М., Воронцова Е.В., Колкунова К.А., Костылев П.Н., Сафронюв Р.О., Фолиева Г.А. «Наука о религии», «научный атеизм», «религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI века. — М., ПСТГУ, 2014.

В Заключении автор подводит итоги и формулирует свое видение роли религиоведов в современном российском обществе. В качестве Приложения опубликована беседа М.Ю. Смирнова с московским историком религиоведения К.М. Антоновым о проблемах, связанных с изучением советского периода исследований религии в России.

Главный вопрос, на который отвечает книга Смирнова, — кто такой религиовед («Нельзя обществу обходиться без уважаемых, но трезвых оценок религиозной стороны его жизни. Призвание религиоведа — давать такие оценки. Но не по своему произволу, а основываясь на напряженно постоянной исследовательской работе». С. 340). В этом ее главная заслуга. Мы спорим о «проблеме религиоведа» на конференциях и при личных встречах, но попытки отрефлексировать это в формате научной статьи, не говоря уже о монографиях, еще очень редки.

Но самое важное, на мой взгляд, в этом труде — внимание, которое М.Ю. Смирнов уделяет месту религии в современном мире, динамике религиозно-государственных отношений, трансформации общественных взглядов и тому малому, если не пустому, месту, которое в данных процессах занимают религиоведы. С одной стороны, автор показывает, что именно может предложить исследователь — социолог — религии широким массам (думающим и не очень), с другой, высказывает сомнения в возможности, в наличии спроса на свое предложение.

Все это находится в русле понимания религиоведения, предложенного М.Ю. Смирновым: для него оно не комплексная дисциплина, но своего рода самопознание религиоведов (с. 167). Книгу особенно следует рекомендовать студентам, поскольку в ней они увидят, как критический аппарат, предлагаемый им образованием, может применяться к анализу широкого круга явлений, а также для обобщения фактов в стройную концепцию и картину мира. Не уверена, что студенты согласятся с выводами М.Ю. Смирнова, но как основа для дискуссии созданная им книга бесценна.

К.А. Колкунова